

щества, обреченнаго на борьбу, всякаго рода бѣдствія, болѣзни и неотвратимую смерть. Какое же можетъ быть счастье при жизни, неизбѣжно ведущей къ слабости, старости, смерти? И потому ни наслажденіе, ни совершенствованіе своихъ способностей, ни совершеніе великаго дѣла, ни даже содѣйствіе благу общества—не можетъ быть назначеніемъ жизни. Все это могло бы быть, если бы не было безконечнаго по времени и пространству міра и не было бы смерти. При той же ограниченности и краткости моей жизни среди безконечности міра по времени и пространству нѣтъ и не можетъ быть никакого смысла въ дѣлахъ человѣческихъ. Для чего человѣку трудиться ради улучшенія жизни, когда вся его дѣятельность есть незамѣтная точка среди безконечнаго міра, и когда самая жизнь—только мгновеніе между двухъ вѣчностей? И зачѣмъ трудиться для улучшенія жизни другихъ людей, когда онъ навѣрное умретъ и не увидитъ ни этой лучшей жизни, ни благодарности за то, что онъ сдѣлалъ для людей? Да и тѣ, для которыхъ онъ дѣлалъ благо, исчезнутъ такъ же безслѣдно.

Такъ что отвѣты на мои вопросы, если я серьезно буду спрашивать и серьезно буду отвѣчать на нихъ, такіе:

1) На первый вопросъ,— что такое *я*?—отвѣтъ тотъ, что это что-то такое, какъ будто недавно начавшееся, временное, уничтожающееся и долженствующее совсѣмъ скоро уничтожиться, а, между тѣмъ, оно несомнѣнно существующее, оно то, безъ чего ничего не существовало бы. И выходитъ, что я не знаю, что такое *я*, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, это одно, что я несомнѣнно и лучше всего знаю.

2) Отвѣтъ на второй вопросъ,— что такое тотъ міръ, въ которомъ я застаю себя живущимъ: что-то бессмысленное по своей безконечности и во времени, и въ пространствѣ, что-то такое, что непремѣнно по времени когда-нибудь да началось и когда нибудь кончится, а между тѣмъ никогда не могло начаться и никогда не можетъ кончиться, и при этомъ по